

MEMORIA

«ПРИПОДНИМАЯ ЗАНАВЕС...»

*Памяти профессора Георгия Борисовича Зайцева
(1929—2005)*

Его всегда окружал ореол таинственности. Когда он шел по коридорам университета в строгом костюме или джинсовой куртке, сосредоточенный или оживленный, отвечая на приветствия церемониальными поклонами, возникало ощущение, что это человек из иного мира, иного времени. Эмигрантское детство, китайская экзотика, французская школа, геологоразведка, поездки по странам Старого и Нового Света, любовь к джазу и ювелирному искусству, лекции о Давиде, Энгре, Модильяни, экспертиза порнографии, коллекционирование этикеток, бутылок, минералов, интерес к кичу — все это грани одной творческой личности, странной, чудаковатой, но при этом сильной, энергичной и целеустремленной.

Он обладал уникальным даром убеждения, мог говорить о вещах обыденных и тривиальных так, что народ слушал затаив дыхание. Его жестикуляция, то нервная, то плавная, его речь с придыханием, то резкая и отрывистая, то певучая, — создавали ощущение элитарного действия, мистического обряда передачи знаний. Джазовые ритмы, которыми была пронизана вся натура Зайцева, звучали в его лекциях и рассказах, держа слушателей в напряжении до последней минуты. Сухое перечисление цифр и фактов могло неожиданно смениться страстным возгласом, призывом, смехом, звонким ударом ладони по столу. Анализ картины мог внезапно прерваться, несколько минут в полной тишине студенты лихорадочно домысливали последние фразы, а Георгий Борисович, выдержав долгую паузу,

мог начать рассказывать случай, который приключился с ним в Лувре или в Центре Жоржа Помпиду.

Читая уникальный спецкурс «История джаза», Зайцев подчеркивал свою кровную связь с этой музыкой: «Я родился в семье эмигрантов первой волны, которые бежали от большевиков со знаменами, с иконами. Они не были военными, они были коммерсантами, с деньгами ушли, с брильянтами ушли. Джаз в нашей семье был всегда. У нас был большой радиоприемник, и можно было слушать джаз с утра до вечера. Больше ничего и не было. Я первую оперу услышал только в 1943 году, “Жизнь за царя” называлась... Олега Лундстрема очень хорошо знал и знаю. Этот оркестр у меня на глазах вырос. Я на этой музыке воспитан, куда деваться...»¹.

Джазовые ритмы помогали Георгию Зайцеву сохранять внутреннее ощущение свободы, столь редкое у граждан Советского Союза. Человеку, жившему в иной культурной среде, видевшему иные порядки и нравы, было непросто найти место в обществе «развитого социализма» и сберечь при этом свой мир и свою индивидуальность. Проникновенно и талантливо Зайцев будет рассказывать об этом в своих воспоминаниях «Приподнимаю занавес из тонкого китайского шелка» (Екатеринбург, 1998), в беседах со студентами и художниками.

«Я не вернулся в Россию, я приехал в эту страну. Я родился за рубежом и России совершенно не знал. Я познал ее уже здесь. Познавал лет пятнадцать — двадцать, здесь на Урале впервые побывал в деревне, увидел жизнь крестьян. Меня долго не принимали, считали чужаком. Когда я приехал в Свердловск в декабре сорок седьмого года, в городе было 420 тысяч, и мне казалось, что это большая деревня. Я ведь приехал из шестимиллионного города. Шанхай был третий порт мира... И знаете, сколько я отучивался мыслить по-иностранному, я думаю сначала по-французски или по-английски, даже по-китайски, а потом перевожу на русский язык и говорю... Я вжился в это общество. Я стал говорить, как на Урале говорят, я стал ругаться. Я стал своим...»²

Геологи считают его своим, до сих пор ревниво посматривая в сторону искусствоведов. Окончив геологический факультет УрГУ, Зайцев тридцать пять лет работал в Уралгеологии, занимался поисками меди, редких и драгоценных металлов, геологической съемкой. Он был организатором юношеского геологического движения и выпустил одиннадцать брошюр «Материалы по массовому геологическому походу на Урале». Сотрудники Георгия Борисовича по геологической работе вспоминают, сейчас уже восторженно, как он мучил их многочисленными викторинами, шарадами и кроссвордами по истории искусства. Их страдания и последующие восторги понятны всем, кто сдавал Зайцеву экзамен, ибо получить у Георгия Борисовича «отлично» для студентов было знаками высшей доблести и особой благосклонности богов.

Он поздно пришел в искусствоведение. Ему было за сорок, когда он окончил отделение истории искусств филологического факультета УрГУ. Это не помешало ему высказать свою позицию в искусстве, и он успел сделать все, что наметил и что хотел. Другое дело, что, возможно, поздний приход в науку об искусстве лишил его той гибкости в оценке других мнений и того умения смотреть на вещи с разных углов зрения, которые так ценятся в гуманитарных дисциплинах. Его путь от увлечения краеведением, от самообразования в вопросах искусства и менталитет первой профессии — геологоразведчика — приводят Георгия Борисовича к четко сложившимся принципам и нормам, которые он отстаивал с яростью бойца. Признать правоту другой точки зрения, другого мнения для него

¹ Из документального фильма «Тяжелая работа» (автор сценария Г. Шеваров, режиссер П. Фаттахутдинов, Свердловск, 2002).

² Там же.

часто означало капитуляцию и полное поражение от противника. Поэтому научные споры с коллегами редко оказывались конструктивными. Бесспорно, это было его слабостью. Но сейчас и эта слабость вызывает уважение у большинства его учеников и соратников, а в наше время, когда многие с легкостью отказываются от прежних убеждений, взглядов и позиций, кажется достоинством.

Его привлекали явления, многие из которых остаются за общепринятыми рамками искусства и интерес к которым кажется недостойным искусствоведа классической школы. Зайцев рассуждает о коммерческом искусстве, консультирует владельцев частных художественных галерей и корпоративных коллекций. Одним из первых в постсоветском Екатеринбурге он принимал участие в аукционах, и его колоритная фигура с молоточком и безоговорочное «Продано!» придавали всему действу особый шик. О закулисных приготовлениях и об устройстве механизмов подобных мероприятий он откровенно рассказывал на лекциях. Его интересовал кич, в этой необъятной вселенной безвкусицы и халтуры он чувствовал скрытую логику и определенную систему, перекликающуюся с миром истинного искусства. О его деятельности эксперта порнографии на факультете говорили взаллеб, Зайцев и из этого не делал тайны, объясняя всем желающим прозаические трудности этой профессии и несовершенство российского законодательства.

Страсть к собирательству, выросшая из детского любопытства и восхищения перед таинством огромного мира, обрела особое значение в жизни Георгия Борисовича. Множество незамысловатых предметов, бумажных ярлычков, этикеток, оберток складывались в стройную систему, подчиняясь хронологическим, географическим и художественным принципам. Хаос преображался в строгую конструкцию. Предметы, ранее воспринимавшиеся как никчемный мусор, находили свое место в этой конструкции, обретали значительность и превращались в символы эпохи³. Профессор искусствоведения Зайцев становился Демиургом, для которого нет мелочей, который творит из пустоты свой дом-вселенную, расставляя все по полочкам, раскладывая все по ящичкам и коробочкам.

Но не все так просто было и для самого творца. Георгий Борисович не уставал повторять о проблемах классификации, о поиске правил отбора, о зыбкости хронологических и стилевых рамок. Зарубежное искусство XIX—XX вв., история джаза, ювелирное искусство Урала — все эти сложные явления Зайцев пытался прочувствовать и показать в развитии, найти в каждом из них внутреннюю ось и формулу эволюции. Его «взгляд на развитие» всегда был личностным, субъективным, часто вызывал критику со стороны иных специалистов. В каждой творческой личности есть авантюрная жилка, есть азарт, есть вера в собственное предназначение и удачу. Свободный художник стремится создать свою картину мироздания, настоящий искусствовед — написать свою историю искусства. Георгий Зайцев чувствовал себя свободным художником, и ограничительные рамки его классификации ничуть не сковывали его творческий поиск.

Теплым сентябрьским днем в зале Дома художника было тесно, после гражданской панихиды началось отпевание... В полумраке над гробом светился созданный солнечными лучами белый квадрат. На этом светоносном экране отражались силуэты входящих людей, художников, геологов, искусствоведов, тех, кто знал Георгия Борисовича, кто работал с ним, кто учился у него... В легких переплетающихся тенях отражались великие образы великих холстов, которые столько раз при помощи диапроектора возникали на лекциях профессора Зайцева: офицер императорских конных егерей вел свой эскадрон в атаку, сиял огнями ночной Монмартр, задумчиво покуривал трубочку Винсент Ван Гог, взлетали тонкие руки девочки на шаре, парили фигуры Шагала, а островитяне Гогена по-детски вопрошали: «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда идем?»...